

Г. Б. Зданович

«УКРЕПЛЕНИЯ», «КРЕПОСТЬ» В АРХЕОЛОГИИ СИНТАШТИНСКО-АРКАИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И В ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ «РИГВЕДЫ»

Открытие на Южном Урале уникальных памятников средней бронзы стало сенсацией для специалистов-археологов и широкого круга людей, интересующихся древней историей. Уже первые исследователи могильников и поселений синташтинского типа высказали мысль об их арийском (индоиранском) происхождении¹. Гипотезы археологов, опирающиеся на результаты изучения вещевого комплекса, архитектуру, следы ритуальной деятельности, чрезвычайно важны. Тем более что в случае с Аркаимом мы имеем богатейший набор археологических свидетельств. Однако когда речь идет об этническом содержании материальной культуры, решающее слово остается за специалистами по древнейшим языкам. А здесь необходимы письменные источники.

Открытие ныне широко известных древних цивилизаций обычно начиналось с археологических находок, с обнаружения вещественных следов существования некогда процветавших человеческих сообществ. Памятники письменности появлялись по ходу раскопок или по мере накопления материалов (глиняных табличек со знаками, папирусов и т. п.). Затем следовал длительный и сложный процесс дешифрования древних текстов.

Совсем по-другому обстояло дело с древнейшей индоевропейской цивилизацией Старого Света, которая получила известность благодаря письменным источникам — индийской «Ригведе» и иранской «Авесте». Ведийская литература стала впервые переводиться на европейские языки с конца XVIII века. Она донесла и имя народа, который создал эти шедевры — он называл себя «арья» — арии. Но до сих пор не известны археологические находки, которые можно было бы убедительно связывать с арийскими племенами.

Если археологи последние 150 лет безуспешно ломают копья по поводу этой проблемы, то лингвисты, уверенные в безуспешности археологических поисков, стараются своими методами извлечь хотя бы крупицу исторической реальности из древних текстов.

«Ригведа» представляет собой собрание священных гимнов. У их авторов не было интереса к истории и повседневной жизни. Гимны содержат сведения, прежде всего, о религиозных представлениях, их главное содержание — миф и ритуал. Они полны скрытыми смыслами. Каждое слово древнего поэта столь многозначно, что у интерпретатора текста порой исчезает какая-либо точка опоры, за которой может стоять реальность. Т. Я. Елизаренкова приводит слова выдающегося исследователя ведийской литературы Рену: «Для текста, полностью подчиненного символизму, не существует процедуры его раскрытия (*procedure d'approche*), которая соответствовала бы нормам рассудка»². Тем не менее, языковеды сделали удивительные успехи в трактовке архаических культовых текстов. Это касается не только вопросов религии и социальных отношений; лингвистический анализ позволил ощутить реальную жизнь ариев и наглядно представить их материальный мир. Примером такого исследования является труд Т. Я. Елизаренковой «Слова и вещи в “Ригведе”». В монографии раскрывается методология, которая позволяет правильно установить связь между лексическим значением слова и обозначаемым им предметом или понятием в архаической культовой поэзии.

В качестве объекта исследований Т. Я. Елизаренкова выбрала несколько семантических полей и отдельных лексем, отражающих предметы материального мира: дом, место жертвоприношений, дорога, лес, поле, вода, гора, крепость. В этих увлекательных поисках раскрытия смысла слов и предметов очень не хватает археологических свидетельств!

Конечно, археология «Страны городов» сегодня находится на стадии становления. Тем не менее, уже сейчас она позволяет «играть» со смыслами письменных текстов и формировать некий объем представлений, в чем-то отвечающий мироощущению людей, называющих себя *арья*. Возможно, это высказывание излишне самонадеянно. И, тем не менее, хочу предложить опыт «прочтения Елизаренковой». Я преднамеренно остановил свое внимание только на одном семантическом поле и одном археологическом объекте — крепости (*púr*).

То, что предлагается, — это некие археологические заметки на полях прекрасного филологического текста. Я не исключаю, что, читая Т. Я. Елизаренкову, где-то ошибусь и неправильно пойму тонкости языковедческого анализа. И все же приведенные ниже археологические этюды, возможно, натолкнут филологов на какие-то новые контексты в раскрытии того или иного слова или понятия, а археологов, в свою очередь, заставят внимательнее относиться даже к самым незначительным фактам своих полевых изысканий. Ведь вскрытие древнего поселения или могильника — это всегда обнажение «картины мира», а уловить ее глубинный смысл, очевидно, можно, только пропуская информационную возможность артефактов через лабиринты символов древних текстов. И в этом счастливая неизбежность будущих исследователей арийской проблемы.

В поисках протоиндоиранского археологического пространства мы опирались на убеждения языковедов, что древнейшие пласты индийской «Ригведы» и иранской «Авесты» чрезвычайно близки друг другу по языку и по поэтическому строю. Сходство бывает так велико, что иногда оба текста выглядят как два варианта одного архетекста³.

Очевидно, что они сложились у одного народа при тесных контактах населения в каком-то относительно небольшом регионе. Подобные тексты должны были возникнуть однажды в довольно короткий промежуток времени. И уже затем они дополнялись и развивались на протяжении тысячелетий. Однако самые древние пласты поэзии оказались столь гениальны и несли в себе столь принципиальную смысловую нагрузку, что их тщательно оберегали от искажений, и они в почти неизменном виде сохранились до наших дней. Это утверждение особенно касается «фамильных» глав «Ригведы» и гат «Авесты». Интересно, что некоторыми учеными предпринимались опыты перевода отдельных стихов с авестийского на ведийский, в результате получался стих, трудно отличимый от подлинного ведийского текста⁴.

Для специалистов очевидно, что древнейшие тексты двух замечательных произведений имели не только единые корни, общий язык и общую поэтическую традицию, но и длительную устную историю. В письменном виде «Ригведа» и «Авеста» были зафиксированы сотни лет спустя, но уже не на той территории, где они рождались, а на новых освоенных землях.

Аркаим — наполненное место

В «Ригведе» слово «пур» — одно из самых употребительных существительных. В собрании гимнов оно встречается 83 раза. Существуют самые различные точки зрения, что стоит за этим термином. Одна из них принадлежит известному исследователю индийской культуры сэру Мортимеру Уиллеру, который высказал предположение, что крепости («пур») — это укрепленные города местного населения долины Инда, которые были разрушены пришельцами — арийскими племенами. Многие исследователи склоняются к мысли, что, как и в случае с авестийской «варой», крепости «Ригведы» — это просто поэтические образы, плод мифологического мышления древнего человека.

В 1976 году известный филолог В. Рау попытался проверить, насколько верна позиция Уиллера, считавшего, что арии разрушили города индской цивилизации. Он поставил своей задачей предельно точно установить значение *púr* и некоторых производных от этого слова в ведийской литературе. К анализу он привлек широкий круг ведийских текстов — самхиты, брахманы, упанишады, араньяки, сутры.

В результате В. Рау пришел к интересным выводам: «Крепость состояла из одного или нескольких концентрических валов, круглых или овальных. Они были построены из земли (*mud*) или из камня. Крепости были укреплены рядом защитных приспособлений, способных гореть: воротами, может быть, частоколами, плетнями, колючими растениями. Люди жили там под деревянными навесами. В крепости были запасы еды, воды и корма для скота. Постоянно в крепостях не жили, к ним

прибегали в минуты опасности. Крепость служила, прежде всего, защитой от нападений во время войны, лагерем, который осаждали. Возможно, что крепости приходилось подновлять после каждого сезона дождей»⁵.

Приведенное содержание термина «пур», основанное на исследованиях В. Рау, достаточно точно соответствует укрепленным поселениям синташтинско-аркаимской культуры. В нем отражены планы наиболее ранних укреплений Южного Зауралья — овальных и круглых, наличие защитных сооружений на входах, присутствие ворот и частоколов (рис. 1; 2). Строительные материалы, использованные для создания «пур», полностью соответствуют данным археологических раскопок Аркаима и других памятников «Страны городов». Основным материалом для сооружения крепостей Южного Зауралья являлся земляной грунт и глина (Аркаим, Синташта), иногда в сочетании с камнем (Куйсак, Анандское, Берсуат). Широко использовалось дерево, это столбы и плахи, мелкий хворост для плетней и циновок, трава и камыш. Дома, в которых жили люди, построены с использованием деревянных конструкций. Для нас очень важно замечание В. Рау о том, что крепости нуждались в ремонтных работах после дождей.

Приведенного текста, возможно, вполне достаточно, чтобы увидеть соответствие ригведийских крепостей с фортификацией аркаимского типа, тем более что выводы Рау выглядят аргументированными и основательными. Но поскольку для синташтинско-аркаимской археологии, как и для смысловой нагрузки ведийских текстов, понятие «крепость» чрезвычайно важно, последуем далее за лингвистическим анализом слова *púr*, который нам предлагает Т. Я. Елизаренкова.

Púr является корневым существительным, связанным с глагольным корнем «наполнять». *Púr* сопоставляется с литовским *pilis*, латышским *pils* — «крепость», «замок».

Словари Гроссмана и Бётлинга дают одинаковое значение слова *púr* — «укрепленное место», «крепость». Гроссман поясняет, что в первоначальном смысле это слово должно было означать «наполненное место» (вероятно, людьми и имуществом). Майрхофер дает значение *púr* как «вал из камня и глины», «траншея» и снова поясняет, что первоначальное значение индоевропейского корня было «наполнение», «насыпание»⁶.

В последнем приведенном переводе для нас важно сочетание «вал» и «траншея». С точки зрения археолога, изучающего укрепленные центры «Страны городов», хочется уточнить — «стена» и «ров».

В фортификации средней бронзы Зауралья эти элементы неразделимы. Во всех укрепленных центрах стена соответствует рву и наоборот. Ведущим элементом в системе обороны всегда является стена. Конечно, ров служит дополнительным препятствием, используется при необходимости для отвода воды*. Ров выкапывается для того, чтобы увеличить высоту стены.

Обращает на себя внимание изначальный смысл слова *púr* — «наполнение», «насыпание». Раскопки хорошо фиксируют технологии сооружения стен аркаимских крепостей. Иногда применялась кладка из сырцовых блоков, но чаще всего делались грунтовые опалубки или деревянные клетки, в которые «засыпали», «заливали» сухой или влажный грунт. Можно сказать по-другому — полые клетки, сложенные из дерева или дерновых (глиняных) блоков, наполняли грунтом. Известные нам размеры деревянных клеток — примерно 4×3 м. Стена, заполненная грунтом, имела высоту от уровня дневной поверхности около 3,5 м. Это без высоты верхней деревянной галереи или частокола, которая должна быть не меньше человеческого роста. Отдельные клетки грунтом не засыпались и оставались полыми. В образовавшиеся помещения можно было попасть либо напрямую из дома, из его общественно-хозяйственной и ритуальной части, либо через узкий коридор между торцевыми стенками домов и стеной клетки оборонительного сооружения. Помещения внутри стен могли использоваться для стрельбы из лука при полном бое или для решения каких-либо других задач, связанных с обороной. Как бы то ни было, сочетание «наполненное место» удивительно точно передает смысл и содержание аркаимского укрепленного центра.

Все планировочные решения «протогородов» отличаются предельной компактностью и концентрацией архитектурных деталей. Здесь нет ни одного свободного участка «городского» пространства — все до сантиметра включено в единый рациональный мир богов и людей.

* В отличие от средневековых крепостей, рвы в «Стране городов» содержались сухими.

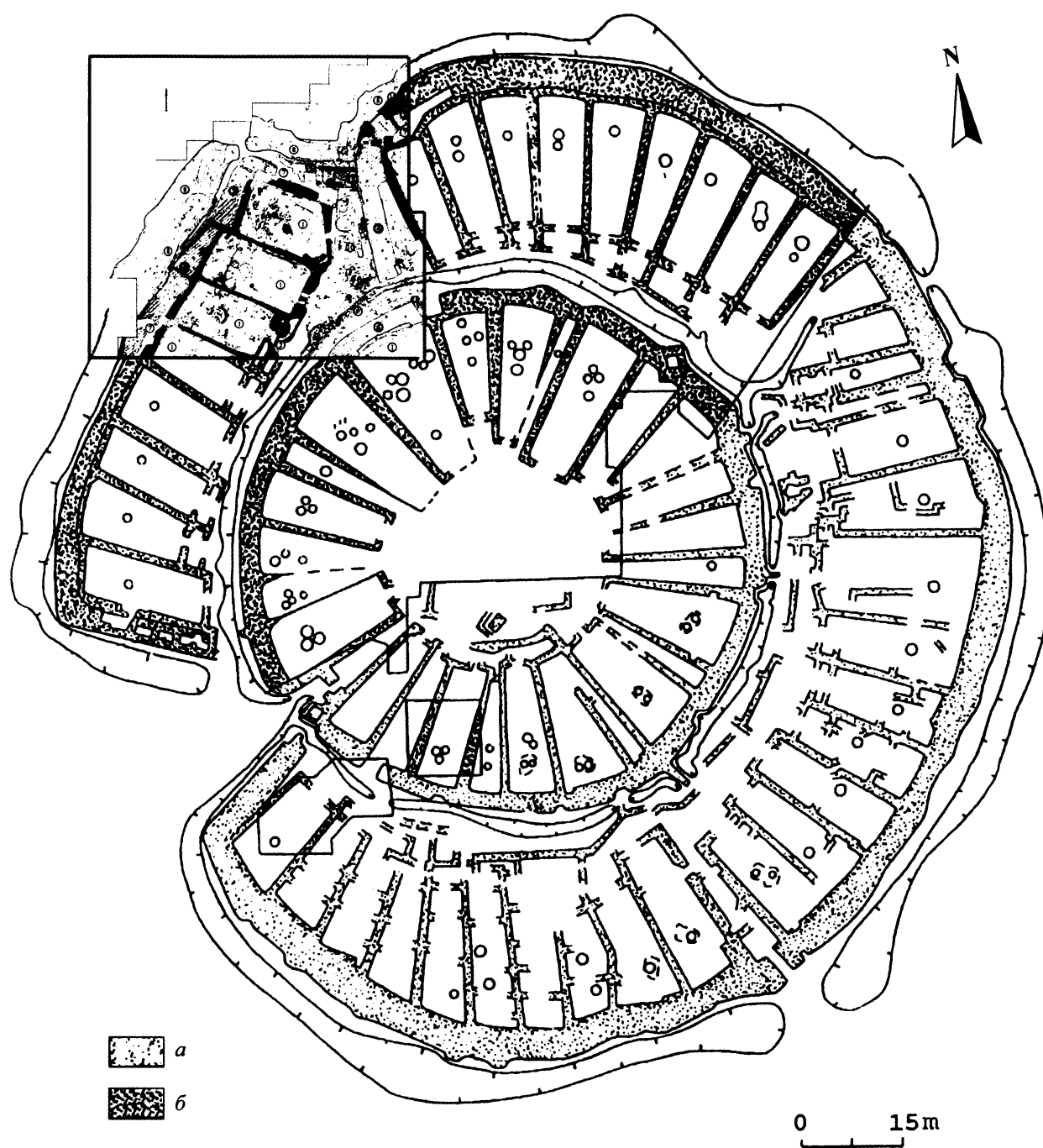

Рис. 1. План укрепленного поселения Аркаим по материалам микромагнитной съемки (а) и раскопок (б)

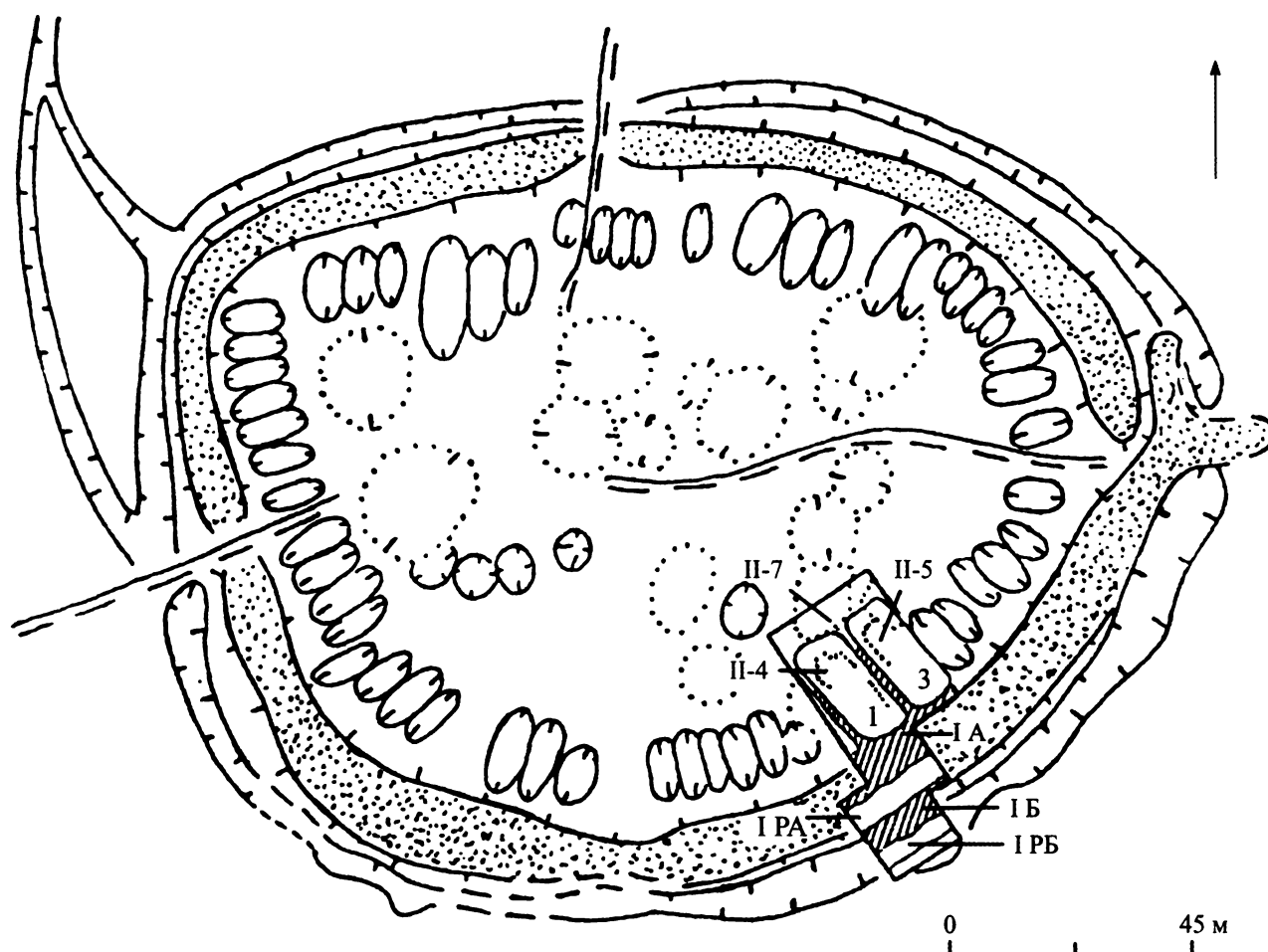

Рис. 2. Укрепленное поселение Аландское. Дешифровка аэрофотоснимка (И. М. Батанина) и раскопы 1997, 1999, 2001 гг.

Связь между отдельными элементами укрепленного поселения — домами, дворами и крепостными сооружениями — обеспечивали одна круговая нижняя улица и два кольца верхних улиц, проложенных по галереям обеих оборонительных стен. Я называю единственную настоящую улицу «нижней» потому, что она проходила на уровне дневной поверхности. Ширина ее была от 4,5 до 6,0 м, а общая длина составляла 280 м. Улица представляла собой деревянную мостовую, а под ней проходила ливневая канализация. Уступы канализационной канавы, на которые укладывались бревна мостовой, сохранили следы ремонта и несколько слоев обугленной древесины.

Нижняя улица опоясывала внутреннюю оборонительную стену и была плотно зажата с одной стороны между стеной цитадели, с другой — высоким забором, сооруженным с использованием грунтовых блоков и, возможно, плетня.

Мы плохо знаем конструкцию внутренней оборонительной стены — она недостаточно исследована. Ширина ее 2,5–3,0 м, высота, судя по развалам грунта, примерно в полтора раза выше внешней стены. Очевидно, цитадель использовалась для палеоастрономических наблюдений⁷. В процессе раскопок на круговой улице обнаружены каменные стелы, которые, вероятно, когда-то стояли на верхнем основании стены и служили реперами при наблюдении за горизонтом.

С конструкцией внешней (второй) оборонительной стены связаны сложные предвратные сооружения — дополнительные изгибы стен и валов, укрепляющие входы и обращенные как вовне поселка, так и на его внутреннюю территорию (рис. 1; 3). Сюда же входят сами надвратные башни*, помеще-

* Основание такой башни археологически изучено в районе северного входа поселения Аркаим (см. рис. 3; 5).

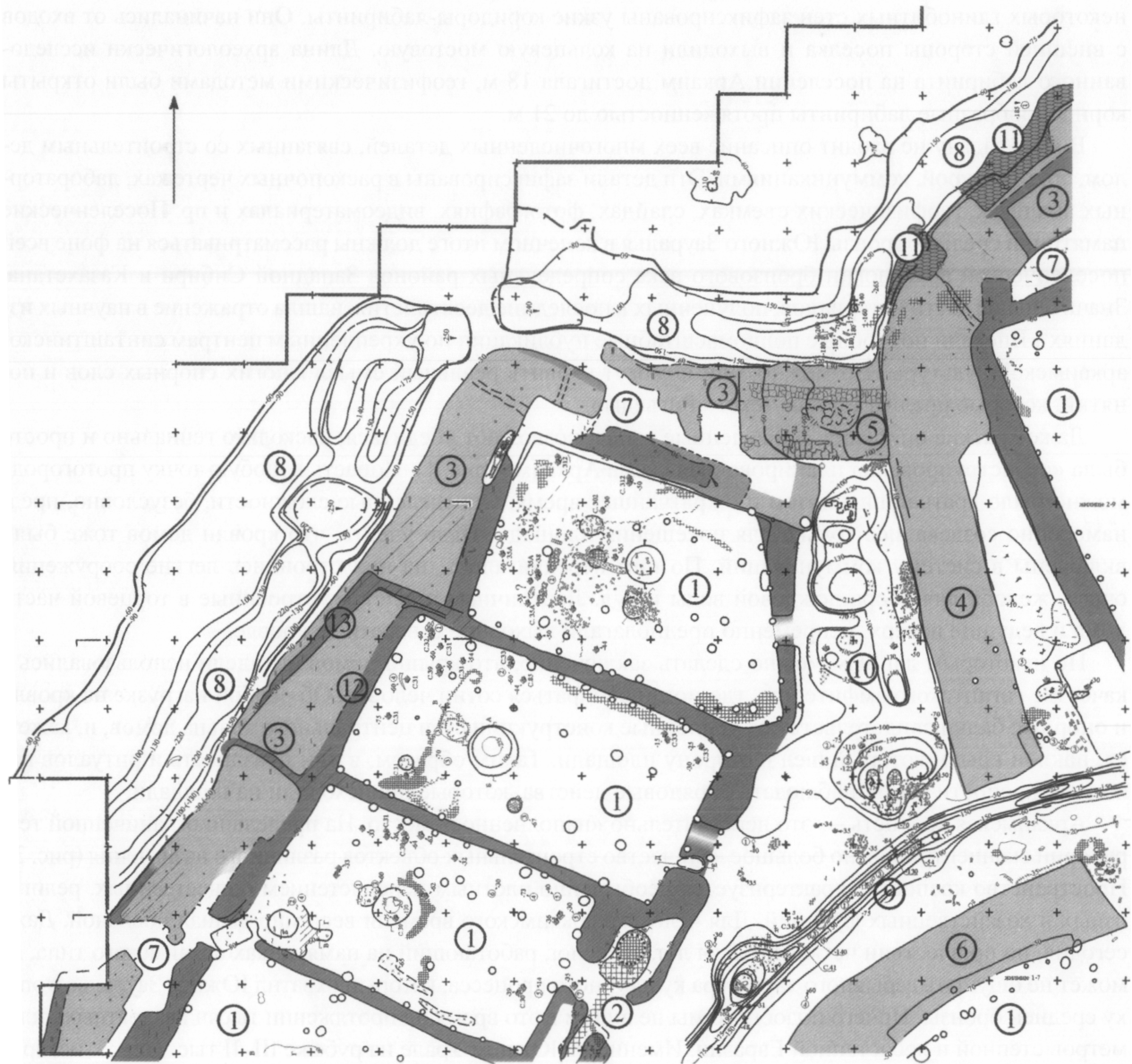

Рис. 3. Укрепленное поселение Аркаим. Участок северо-западного сектора.

- 1 – жилые сооружения; 2 – дворик жилища; 3 – конструкции внешней оборонительной стены;
 4 – радиальная стена; 5 – основание башни; 6 – стена «цитадели»; 7 – проходы и полые помещения в стенах;
 8 – внешний ров; 9 – ров ливневой канализации; 10 – система «ловчих» ям; 11 – контрфорсы;
 12 – основание грунтовых стен домов; 13 – внутренние конструкции стены, гумусная опалубка

ния внутри оборонительных стен^{*} и связанные с ними переходы, контрфорсы и, возможно, бастии. Все это не могло функционировать без внутренних и внешних грунтовых и деревянных лестниц и ступенек^{**}, а также без крытой деревянной галереи, которая должна была венчать стену, охраняя ее защитников и оберегая от размыва дождевыми потоками. Сгоревшие остатки этих галерей в виде обильных прослоек древесного угля фиксируются на всех исследованных археологами участках обводных рвов укрепленных центров «Страны городов».

Внутренняя и внешняя кольцевые оборонительные стены были соединены между собой четырьмя (пятью?) радиальными стеновыми конструкциями, расположенными по сторонам света. Внутри

^{*} Внутрстенные помещения исследованы на участках западного и северного воронкообразных входов поселения Аркаим (рис. 1), а также на поселении Аландское.

^{**} Основание грунтовой лестницы для выхода на кровлю и оборонительную стену зафиксировано в СЗ углу жилища II-14 поселения Аркаим; грунтовые ступеньки хорошо прослеживаются при переходах из дворики в жилища и из жилищ в помещения фортификационных конструкций.

некоторых глинобитных стен зафиксированы узкие коридоры-лабиринты. Они начинались от входов с внешней стороны поселка и выходили на кольцевую мостовую. Длина археологически исследованного лабиринта на поселении Аркаим достигала 18 м, геофизическими методами были открыты коридорообразные лабиринты протяженностью до 21 м.

В мою задачу не входит описание всех многочисленных деталей, связанных со строительным делом, архитектурой, коммуникациями. Эти детали зафиксированы в раскопчных чертежах, лабораторных анализах, геофизических съемках, слайдах, фотографиях, видеоматериалах и пр. Поселенческие памятники средней бронзы Южного Зауралья в конечном итоге должны рассматриваться на фоне всей поселенческой археологии бронзового века сопредельных районов Западной Сибири и Казахстана. Значительная часть материалов, полученных в последние десятилетия, нашла отражение в научных изданиях⁸. Впереди подробные полномасштабные публикации по укрепленным центрам синташтинско-аркаимской культуры. Возможно, они помогут уловить реальный смысл многих спорных слов и понятий, которые предлагает нам текст «Ригведы».

Даже краткие описания, приведенные выше, позволяют убедиться, насколько гениально и просто была «сконструирована» планировочная схема Аркаима (рис. 1). Попасть в любую точку протогорода можно было кратчайшим путем и в кратчайшее время. Определенные сложности, безусловно, преднамеренно создавались только для посещения площади. Надо учесть, что кровли домов тоже были включены в систему коммуникаций. По ним передвигались, на них строились легкие сооружения, очаги, желоба для сбора дождевой воды и т. д. Лестничные пролеты, устроенные в торцевой части дома и ведущие наверх, непременно предполагали выходное отверстие в кровле.

По некоторым данным можно сделать заключение, что крыши домов цитадели использовались в качестве гигантского амфитеатра, где могли собираться сотни человек. Об особой нагрузке на кровли и опорные балки свидетельствуют усиленные конструкции стен центрального кольца домов, и, кажется, наклон крыш, который шел в сторону площади. Таким образом, в дни празднеств и ритуалов все жители крепости могли наблюдать обрядовые действия, которые происходили на площади.

Аркаимская крепость — это действительно «наполненное» место. На предельно ограниченной территории сконцентрировано большое количество строительных объектов различного назначения (рис. 3). Пространство крепости характеризуется необычайно плотным переплетением общественных, религиозных и хозяйственных функций. Для человека аркаимского времени весь мир дышал новизной. Даже сегодня, по прошествии четырех тысяч лет, археолог, работающий на памятниках аркаимского типа, не может не ощущать взрывного характера культурного процесса, который охватил Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Ничего подобного мы не видим в это время на протяжении тысяч квадратных километров степной и лесостепной Евразии. Именно на Южном Урале на рубеже III–II тыс. до н. э. история проводила колоссальный эксперимент — она искала пути от поздней первобытности к цивилизации.

«Сто изгибов»

Падежная парадигма существительного *«pūr»* представлена формами как единственного, так и множественного числа, причем граммемы последнего заметно преобладают. Для нас это важно: крепость — это не единственное исключение, это не какое-то обособленное явление. Крепостей много, это система крепостей, «страна» крепостей. При этом они существуют при взаимодействии друг с другом как некий взаимосвязанный механизм.

Слово «крепость» может встречаться в сочетании с глаголами *as* и *bhū* — «быть», «становиться». Крепости не просто существуют, они возводятся, они строятся, и в процессе их строительства люди обращаются к богам, высказывая свои пожелания относительно прочности и просторности создаваемого ими сооружения.

«О Агни!... стань же ты для нас широкой, прочной, просторной крепостью» (I, 189,2)

«И будь нам, о неукротимый, для защиты мужей, великой железной крепостью в сто изгибов» (VII, 15,14)

Т. Я. Елизаренкова отмечает, что эпитет «железный» является условным переводом; точнее было бы сказать «металлический», «медный», «бронзовый», так как в русском языке это прилагательное широко употребляется в переносном смысле — «очень твердый», «несгибаемый».

Это очень серьезное пояснение, которое мы можем отнести к другим ведическим и авестийским текстам, где встречаются слова со значением «очень твердый». В рамках современной (или, лучше сказать, «поздней») традиции они переводятся словом «железный», искажая хронологический смысл текста.

Переводчиков обычно смущает слово *gatábhujī* — «в сто изгибов». Для нас наиболее близко толкование, которое принадлежит Гельднеру. Речь идет о концентрически расположенных валах — сотне колец крепостной стены⁹.

«Крепостями с сотней изгибов защитите, о Маруты, от коварства, от злой (речи) — того, кому вы помогаете!» (I, 166,8)

Лингвисты говорят о неясности эпитета, употребляемого в этом тексте, и о некорректности делать какие-либо выводы о реальной структуре крепости, исходя из ее определения как *gatábhujī*. Все эти сомнения пусть остаются в научном дискурсе языковедов. Для археологов — исследователей «Страны городов» — слова «крепость в сто изгибов», как и прочность стен, повторенная «десятикратно», находят полное соответствие в планах и конструкциях фортификационных сооружений среднего бронзового века Южного Зауралья.

Очень важно, что *púr* предполагает прочную защиту и «безопасность со всех сторон». То есть из текстов «Ригведы» следует, что крепостные сооружения ариев имели замкнутую систему обороны. Это очень важная характеристика «*púr*».

Обычно в древнем мире крепости строились на местности, которая обеспечивала естественную защиту поселка. Это могли быть глубокие балки, овраги, высокие береговые обрывы, мощные водные преграды. Искусственные сооружения — валы, стены, рвы — возводились только отдельными участками в местах, плохо защищенных естественными преградами.

Крепости с замкнутой системой обороны строились на равнинах. В открытых степях Южного Зауралья в условиях слабо пересеченной местности и мелководья степных рек крепостные сооружения создавались с учетом круговой обороны. Так же, как и в текстах «Ригведы», они способны были противостоять натиску врага на любом участке фортификации*.

«Сто изгибов крепости» — образная характеристика оборонительных сооружений, которая может быть отнесена как к круговым, так и прямоугольным крепостям. Однако это не просто образ. Глядя на планы укрепленных поселений «Страны городов», вы видите не только изгибы «кругов», «овалов», но и округлые углы «прямоугольников», «квадратов», «ромбов». Оборонительные стены в районах входов образуют овалы, заходя друг за друга, и создают длинные узкие коридоры, обращенные и вовне, и внутрь поселка (рис. 1; 2). Такие проходы оказывались смертельно опасными для всякого непрошенного гостя, поскольку он становился беззащитным для тех, кто контролировал коридор с высоты стен.

Похоже, что ворота (скорее, закладки из бревен) во входных проемах стен если и существовали, то не играли серьезной роли в обороне. Синонимом понятия «изгиб» было понятие «прочная защита». С помощью изменения «изгибов» внешних стен, например, создания «воронок» у северного и, особенно, западного входов на Аркаиме, поток возможных нападающих направлялся таким образом, чтобы защитники поселка могли его легко рассечь. Устремляясь в видимый широкий проем в стене, враг в реальности оказывался в устье настоящей ловушки.

Изгибы оборонительных стен образовывали окружности предвратных башен, контрфорсов или бастioned, с выступов которых могла вестись перекрестная стрельба для защиты наиболее уязвимых участков фортификации. К «изгибам» следует отнести десятки «изломанных» коридоров и переходов, образующих подлинные лабиринты. Если при этом учитывать ступеньки, расположенные у входа в дом, грунтовые лестничные «марши», ведущие из жилища на кровлю, какие-то подвижные лестницы, которые должны были соединять радиальные и кольцевые стены-улицы, то описываемый лабиринт с его «изгибами» распространялся не только на горизонтальное пространство крепости, но и на ее вертикаль. При этом необходимо отметить, что ни один из исследованных выходов или щелей в оборонительных стенах памятников «Страны городов» (Берсуат, Синташта, Аркаим) не выводил напрямую за пределы крепости и создавался как излом лабиринта¹⁰.

* Это еще один небольшой штрих в пользу того, что одной из древнейших прародин арийских племен были степи.

Прозрачной аналогией аркаимскому лабиринту может служить критский лабиринт легендарного царя Миноса, кстати, хронологически близкий «крепостям» «Страны городов».

Толкование Гольднером слова *gatábhuju* как крепости с концентрически расположенными валами — «сотнями колец крепостной стены» тоже находит яркое соответствие в планировочных схемах памятников «Страны городов». Вписанные друг в друга окружности или подпрямоугольники стен и ровов хорошо читаются на аэрофотоснимках¹¹.

Часто между сдвоенными стенами пролегал глубокий ров. Со стороны поля фортификационное сооружение было обнесено довольно широкой, но не глубокой канавой, имеющей не столько оборонительное, сколько дренажное значение.

Небольшой археологический раскоп, заложенный на месте грабительской траншеи на поселении Аландское, позволил уточнить некоторые данные, полученные с помощью аэрофотосъемки* (рис. 2; 4; 5). Толщина основной оборонительной стены, которая окружала жилую площадку, составляла по основанию 5 м. Стена первоначально сложена из глиняных сырцовых блоков, на последующих этапах существования памятника она была дважды облицована каменными плитами. Ров на уровне древней поверхности имел ширину 3,0 м и глубину 3,5 м, стенки его были закреплены деревом. Вдоль внешней границы рва шла еще одна сырцовая стена толщиной около 1,5 м. Все это сооружение окружал широкий дренажный ров глубиной до 1 м, обложенный со стороны фортификационных сооружений каменными плитами. Перед дренажным рвом находилась грунтовая обваловка. Естественно, что и дренажное сооружение, и обваловка играли свою роль в защите крепости в случае нападения врага.

Таким образом, ширина внешней оборонительной системы (глубина обороны) с учетом торцевой стены жилища, с одной стороны, и обваловки дренажной системы, с другой, составляла 14–16 метров¹².

Если понимать «сотни колец крепостной стены» более буквально, то на укрепленном центре («протогороде») Аркаим можно насчитать не две, а девять концентрических стен. Аэрофотосъемка дает только общие, хотя и принципиальные представления о планиграфии памятника. Строительные же детали можно уловить только с помощью археологических методов и с учетом геофизических исследований.

Подсчет концентрических сооружений вполне правомерен, так как поселения «Страны городов» создавались по заранее продуманным планам и наличию каких-то макетов. Это хорошо видно на примере выборки грунта под котлованы жилищ при оставлении материковых выступов для основания стеновых конструкций. Наличие плана нетрудно увидеть в том, как и где снимается гумусный слой на строительной площадке, как делаются заливки жидким грунтом или выравнивающие подсыпки при возведении нового кольца фортификации. Прямые указания на создание планов крепостных сооружений содержатся в «Авесте». В Видевдате (фрагмент 2) Ахура-Мазда учит Йиму: «... Сделай же Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота». «... В переднем круге [Вара] сделай девять проходов, в среднем — шесть, во внутреннем — три...»¹³.

Сегодня только материалы поселения Аркаим могут дать надежную информацию по этому вопросу, так как археологический раскоп охватил территорию от центральной площади через всю жилую площадку с выходом за пределы второй оборонительной стены и обводного рва.

Начнем подсчет концентрических стеновых конструкций с центральной части поселения (рис. 3). Прежде всего, это обводная галерея вокруг площади (1), далее следуют торцевые стены домов внутреннего круга жилищ, слитые в два неразрывных кольца (2, 3), затем идет кольцо фортификационных сооружений цитадели (4). За деревянной мостовой и ливневой канализацией возвышается дувал — глинобитный кольцевой забор, построенный с использованием деревянного каркаса, который отгораживал закрытые дворики домов от кольцевой улицы (5). Следующие кольцевые постройки на внутрикрепостном пространстве — торцевые стены второго круга жилищ (6, 7). И, наконец, мы оказываемся на мощной внешней стене фортификации (8), за которой следует ров. Последний элемент кольцевых стеновых сооружений — это грунтовый вал, или выкладка из сырцовых блоков (9), построенная по изгибу внешней границы обводного рва.

* Авторы раскопок: Т. С. Малютина, М. В. Кузнецова (Галлиулина), Д. Г. Зданович, Г. Б. Зданович.

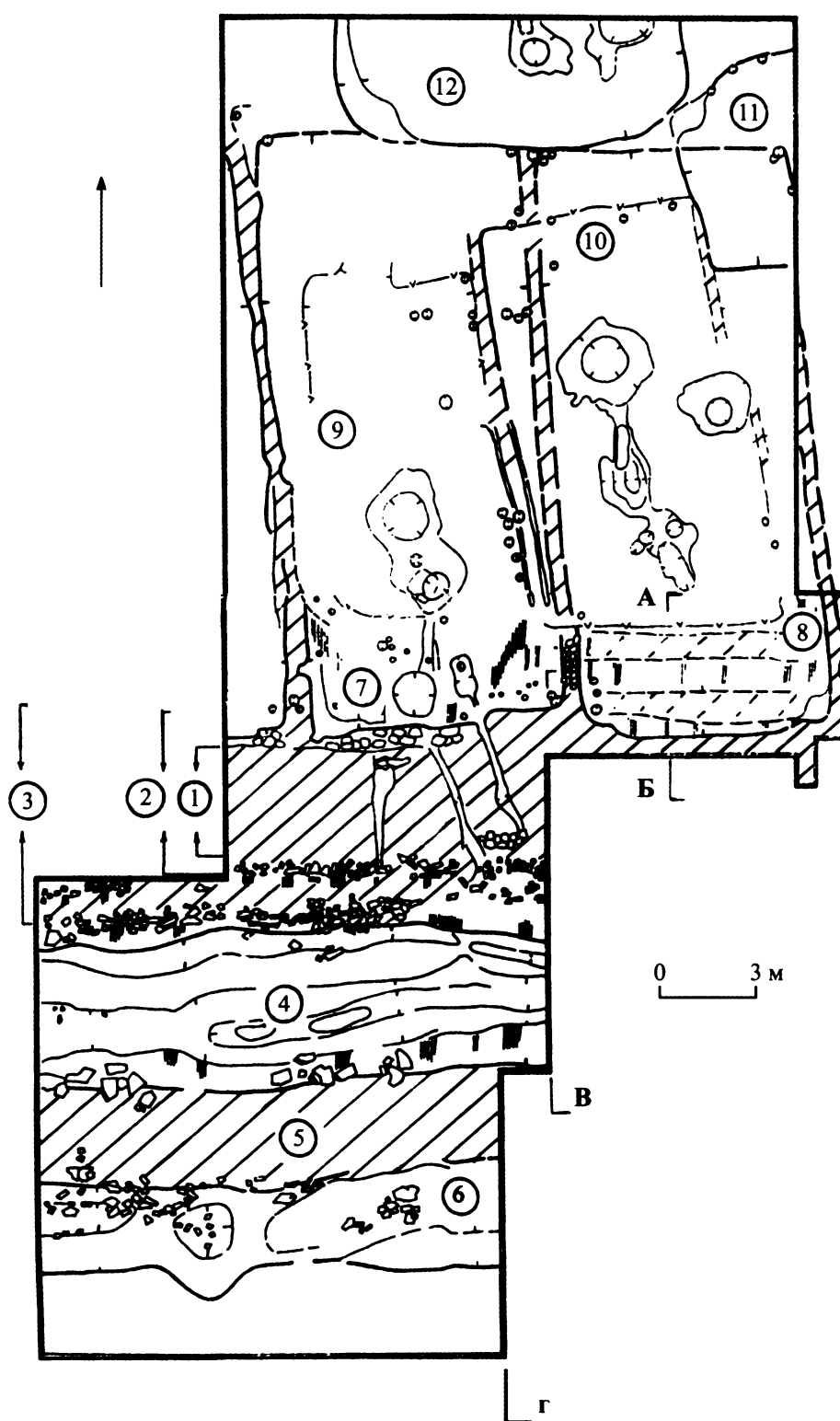

Рис. 4. Укрепленное поселение Аландское. Общий план раскопа.

- 1 – оборонительная стена 1, горизонт А, синташтинский этап; 2 – оборонительная стена 1, горизонт Б, синташтинский этап; 3 – оборонительная стена 1, горизонт В, синташтинский этап;
 4 – ров 1, горизонты А, Б, В, синташтинский этап;
 5 – оборонительная стена 2, горизонты Б, В, синташтинский этап; 6 – ров 2, горизонты Б, В, синташтинский этап;
 7 – жил. 1, горизонты А, Б, В, синташтинский этап; 8 – жил. 3, горизонты А, Б, В, синташтинский этап;
 9 – жил. 4, горизонт Г, петровский этап; 10 – жил. 5, горизонт Г, петровский этап;
 11, 12 – жил. 6, 7, горизонт Д, петровский этап

Таким образом, на территории поселения Аркаим с учетом стен ограждения, стеновых кольцевых конструкций жилых домов, кругов цитадели, внешней оборонительной стены и обваловки рва насчитывается девять концентрических колец, играющих ту или иную роль в фортификационной системе поселения.

Если быть формально точным и рассматривать стену цитадели и основную оборонительную стену как составные конструкции, то есть учитывать отдельно опалубки из грунта или дерева, то количество крепостных колец достигнет одиннадцати. К этому числу можно добавить еще два-три кольца за пределами оборонительной стены. Это обваловка, возможно, небольшая стена с деревянным частоколом, которые ограждали территорию для содержания скота. Отдельные участки третьей стены хорошо читаются на аэрофотоснимках.

За одно из «сотен концентрических колец» можно принять и речные водотоки, окружающие Аркаим и многие другие укрепленные центры «Страны городов», подчеркивающие их «островное» расположение на местности и границы максимально полного освоения пространства.

Завершая тему о планировке укрепленных центров «Страны городов» и *púr* в «Ригведе», опять обратимся к комментариям специалистов по древним текстам. Т. Я. Елизаренкова, высказываясь по поводу множественного числа формы *púr*, приводит следующее замечание В. Рау: «Где бы мы ни услышали, что одно лицо находится в одно и то же время во многих *purah*, мы должны сделать вывод, что последние были построены концентрически, либо по плану многоугольника, либо круга или эллипса»¹⁴.

Мы, со своей стороны, опираясь на археологию укрепленных центров Южного Зауралья, можем констатировать: крепостные сооружения, многократно фигурирующие в «Ригведе», в плане были и круглыми, и эллипсовидными (овальными), и квадратными.

Вода и крепость

Для того чтобы крепость обеспечила прочную защиту, поэты обращаются к богам — к Агни, Индре, Сарасвати... Почему к богу Огня — это понятно. Тепло, свет и уют неотделимы от дома, скрытого за высокими стенами крепости. Понятно, почему к Индре — он глава богов, он воинственен и победоносен, он защищает ариев от демонов и чужих ариям племен. Но почему так настойчиво обращение к Сарасвати?

Сарасвати — это божественная река, главная река для арийских стран и одновременно богиня реки, богиня вод. Она благодатна, полноводна и стремительна. У нее семь сестер. Она заполняет не только земное, но и воздушное пространство. Вода выступает как защитница крепостей, причем с крепостью сравниваются сами воды.

Да услышат нас воды, подобные сверкающим крепостям (V, 41,12)

Интересно, что в индоевропейских языках значения «вода» и «пространство» (освоенное пространство!) тесно связаны между собой. Внимательно присмотримся к следующим словам: тохарское *A war* — «вода», но древнеинд. *vara* — «пространство»; индоевроп. *pag* — «вода», но лат. *pagns* — «местность»; индоевроп. *lendh* — «мокрый», но англ. *land* — «пространство, страна»¹⁵.

Сверкающие крепости, сверкающая кристально чистая вода! Даже пространство в «Ригведе» называется *loká*-... Это существительное произведено от глагольного корня *gis* — «сверкать», «сиять». *Urú-loká* — «широкое пространство» — одно из основных понятий, которое используется для характеристики арийских стран.

Свет и вода организуют пространство! Имя верховного бога, главной задачей которого является упорядочение мира, в древнем индоевропейском связано с корнем *tei* — «блестеть», «светить».

При этом важно, что воды и реки персонифицируются через женское начало. В мифе об Индре Бог предстает в образе быка, переполненного семенем, а воды — это матери, кормящие молоком своих младенцев, или прекрасные юные женщины, ласкающие своих возлюбленных...

«Ригведа» знает разные воды. Здесь и стремительный порыв реки, потоки дождя, вода пруда или озера; и темная таинственная вода (вода колодца?!), из которой рождается бог Агни.

Так же многолики воды в аркаимских крепостях. Восторг общения с водой и многогранность смысловых нагрузок этого общения запечатлены в ярких археологических материалах раскопок укрепленных центров «Страны городов».

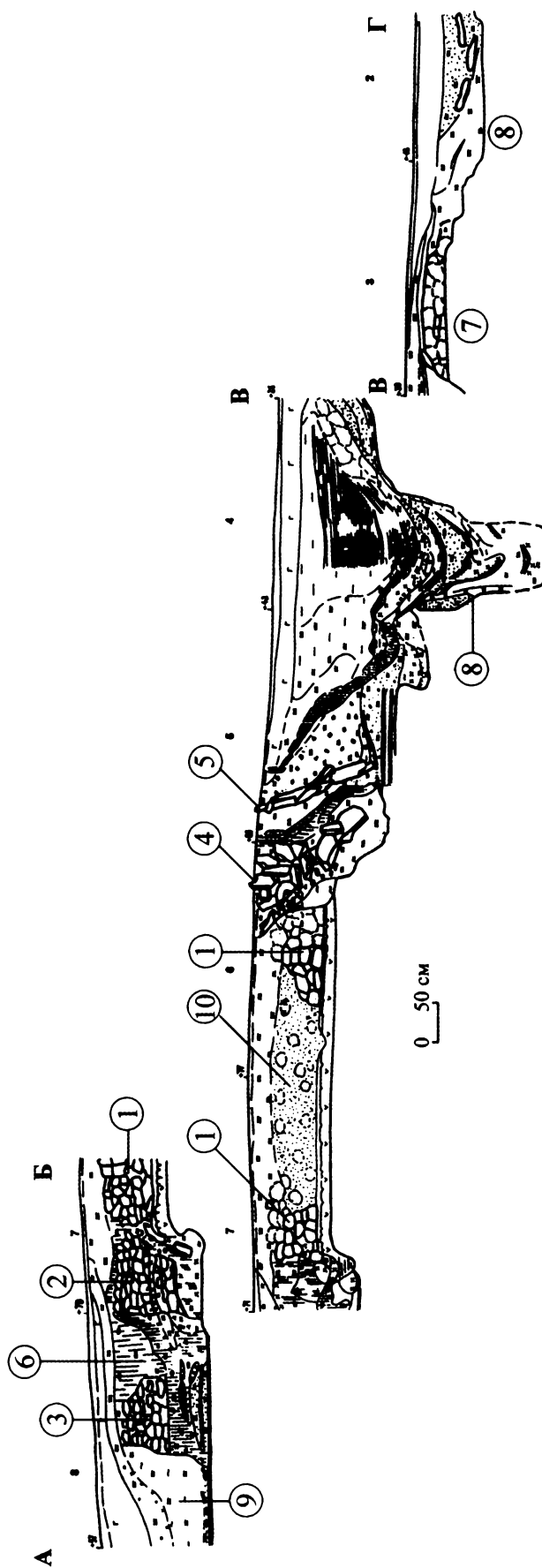

Рис. 5. Укрепленное поселение Аландское. Разрезы оборонительных сооружений и прилегающего участка жилища 3.

1 – кладка основания оборонительной стены из глиняных блоков, горизонт А; 2 – кладка из глиняных блоков, горизонт Б; 3 – кладка из глиняных блоков, горизонт В; 4 – облицовка оборонительной стены 1 плитами амфиболита, горизонт Б; 5 – облицовка гранитом, горизонт В; 6 – прокопанные грунты;

7 – основание оборонительной стены 3, горизонт Б, В; 8 – рвы; 9 – углубление котлована жилища 5, горизонт Г;

10 – засыпка внутреннего пространства оборонительной стены 1

Сначала посмотрим, как решалась проблема воды внутри «протогорода». При проведении раскопок в каждом аркаимском доме было обнаружено от одного до трех колодцев. Среди них очевидны колодцы для питьевой воды, колодцы-холодильники для хранения продуктов, универсальные колодцы, совмещенные с печами, или, как говорят археологи, с различными теплотехническими сооружениями. Нужно отметить, что колодцы располагались в общественной части дома, в месте, где вся большая патриархальная семья собиралась для трапез, для решения общих вопросов и отправления ритуалов. В этом же помещении выполнялись необходимые хозяйственные работы, связанные с домашним производством.

Диаметры колодцев — обычно в пределах одного метра, вокруг обязательно фиксируются следы глинобитных конструкций. Иногда можно установить, что они выполнены из сырцовых блоков, образующих ложный свод. Сверху кольцевое надколодезное сооружение должно было перекрываться какой-то крышкой. Это диктовалось необходимостью защиты детей от случайного падения в колодец и для изоляции воздуха колодца от воздуха помещения. Последнее было особенно важно, так как создавало условия поддува для печей, устроенных рядом с колодцем и соединенных с ним специальными отверстиями-поддувалами. Разница в температурных режимах и влажности обеспечивала необходимую тягу при выплавке меди** из руды¹⁶.

Металлургические печи, совмещенные с колодцем, зафиксированные на Аркаиме, — живая иллюстрация знаменитого индоевропейского мифа, в котором повествуется о рождении бога Агни из темной холодной таинственной воды. Ведь выплавить металл из руды простой огонь не может, это под силу только богу Огня. Рождаясь в темной воде колодца, он раздувает жар невиданной силы, превращая зеленые или голубые камни (руды) в жидкий поток желтого металла.

Например, об Агни: *apsuṃa* — «рожденный в водах» (VIII, 43, 28); *apsusād* — «сидящий в водах» (III, 3,5).

Для умывания и ритуального очищения водой, вероятно, использовалась узкая полоска общего помещения, расположенная между колодцем и торцевой стеной дома, примыкающей к оборонительным конструкциям. Интересно, что именно отсюда происходит большая часть археологически целых сосудов. Похоже, что при оставлении крепости люди, унося все, не трогали вещи у торцевой стены. Очевидно, эти вещи имели особый смысл. Не предназначались ли они богам?

На поселении Аландское хорошо сохранились канавки-водоводы, через которые вода из дома отводилась через оборонительную стену во внешний ров. Канавки хорошо оформлены, закреплены мелким галечником и обмазаны глиной. Один из таких водоводов имел расширение — небольшой бассейн округлой формы, который был исследован в помещении, расположенном внутри оборонительной стены. Вероятно, в этот бассейн по открытому водоводу поступала чистая вода, которую добывали из колодца и которая использовалась для нужд крепостной охраны.

Мы сейчас остановились на открытых водоводах, расположенных в полах жилищ и внутрстенных помещениях фортификационной системы. Однако самым удивительным открытием на поселении Аландское были деревянные (берестяные?) трубы, уложенные параллельно друг другу. Диаметр труб — 12–14 см. Снаружи они были обмазаны зеленой водоупорной глиной. Трубы были встроены в торцевую стену дома; на одном из участков сохранились остатки трех труб — вероятно, следы ремонта.

Наряду с горизонтальными были встречены трубы, расположенные вертикально. Трубы сохранились отдельными участками благодаря тому, что они оказались забитыми очень тонкой отмученной глиной. Нет сомнения, что в трубопроводы собиралась дождевая вода с кровель домов. Смытая глина обмазки крыш периодически забивала трубы, что приводило к необходимости их замены.

Глина как основной строительный материал укрепленного центра Аландское предоставляет прекрасные возможности для фиксации многих конструктивных элементов древней архитектуры, в том числе и водопроводов. Однако ограниченная площадь произведенных раскопок пока не позволяет выявить всю систему, связанную со сбором «воды с неба». Остается неясным, как осуществлялась

* Под «аркаимским домом» понимаются дома эпохи средней бронзы (дома аркаимского типа), раскопанные не только на пос. Аркаим, но и на других памятниках «Страны городов».

** Не отсюда ли таинственный образ божества Арат Нарат «Отпрыск вод», в значительной степени совпадающий с богом Агни.

разводка воды из вертикальных труб в горизонтальные, были ли отдельные бассейны для сбора и хранения дождевых вод... На поселении Аркаим надежно фиксируется, что вода на кровлях собиралась в (деревянных?) желобах, проложенных на стенах между жилищами, и направлялась во внутреннюю часть поселка в ров ливневой канализации. Не исключено, что часть дождевой воды на Аркаиме так же, как и на Аландском, попадала в деревянные трубопроводы. Однако надежда найти остатки водопровода (если он даже и существовал) в песчаном грунте поселения Аркаим, в котором легко разлагается любая органика, очень невелика.

Но это уже детали. Для нас важно, что в укрепленных центрах «Страны городов» археологически надежно фиксируется особое отношение к воде. Здесь можно увидеть, как совмещены реальные нужды человека и культовая практика. Это проявляется в устройстве печей и колодцев, и в жертвоприношениях, обнаруженных на дне колодца, и в практике сбора «небесной» воды в деревянные трубы и желоба.

Нельзя забывать, что за всем этим стоит огромный труд людей, направленный не только на надежное обеспечение водой обычных человеческих нужд, но и на поддержание порядка в природе.

Следуя за Т. Я. Елизаренковой, мы уже отмечали единство земных и небесных вод в «Ригведе». Воды здесь не противопоставляются ни Небу, ни Земле, ни их парному божеству «Ты кого Небо—и—Земля, кого воды, кого Тваштар, порождающий прекрасное, породили» (X, 2,7). При таком подходе не только земные и небесные, но и подземные воды следуют единому космическому порядку. Здесь можно упомянуть существительное *udhi* — «вместилище воды», «колодец». В космогоническом контексте мифа Вала он употребляется в значении «море».

Однако вернемся к археологии. Необходимо сказать еще несколько слов о ливневой канализации Аркаима. Ее основу составлял кольцевой ров глубиной до 1 м и шириной 1,5–2,0 м. Судя по хорошей сохранности стенок, ров был облицован, вероятно, плетнем и обмазан глиной. Сверху он был перекрыт деревянной мостовой, которая образовывала кольцевую улицу в средней части крепости. По дну рва примерно через 15 или 30 м располагались колодцы. Они предназначались для сброса воды при сильных дождевых потоках или при таянии снега. Интересно, что вокруг колодцев располагались канавообразные выемки и гребень из глины, сооруженный, вероятно, с использованием дерева. Перед нами, очевидно, примитивные очистные сооружения. Вода, перекатываясь через гребень, задерживала свое течение, и грубые частицы грунта должны были оседать в кольцевой канавке. Таким образом, здесь в конструкции запечатлена ясная мысль — вода должна уйти в землю чистой.

«Осенние» крепости и миф об Индре

При определении «*pūr*» не все эпитеты, применяемые к крепости, понятны интерпретаторам. Одним из них является *cārādī* — «осенняя». «Ты подавил, о Индра, злоречивые племена, когда разбил семь осенних крепостей (их) убежище» (I, 174, 2).

Или «Пуру знают твое героическое деяние, что ты, о Индра, разбил осенние крепости» (I, 131, 4).

Исследователи этих текстов дают разные объяснения — дасы, которым принадлежали крепости, уходили в них осенью или скрывались в крепостях от осенних наводнений¹⁷.

Гельднер объясняет эпитет «осенний» так: «Имеются в виду крепости, в которые уходят ко времени осени или старые крепости». Интересное для нас понимание *cārada* предложил В. Рау — это крепость, «построенная осенью», другими словами, «временные укрепления, которые надо чинить или перестраивать каждую осень после наводнения в сезон дождей»^{*}.

Есть еще один эпитет крепости, не поддающийся точному истолкованию — «подвижный», «бродячий».

Для крепостей «Страны городов» эпитет «осенний» предельно понятен. В аркаимских крепостях летом оставалось небольшое количество людей — при пастушеском скотоводстве каждая семья имела свои участки для летнего выпаса скота. Освоенная округа — территория радиусом примерно 25 км — была, вероятно, тем «арийским простором», который использовался, прежде всего, под пастбища¹⁸. В крепости оставались старики, дети, кое-кто из работоспособного населения, так как необходимо

* Авторы имеют в виду климатические особенности Индостана.

было ухаживать за посевами проса и ячменя, которые располагались у крепостных стен (Аркаим)¹⁹; 25 км — время одного дневного перехода, и поэтому укрепленный поселок всегда был в центре внимания пастухов. Такое расстояние позволяло контролировать и границы «земельного округа» как границы пастбищных угодий, что очень важно при скотоводстве пастушеского типа²⁰.

Культурный слой аркаимских укрепленных центров показывает, что перед нами не сезонный, временный поселок — люди обитали здесь круглый год. Однако как «наполненное место» он функционировал в осенне-зимний период и в дни военной опасности.

При дальнейших рассуждениях о сезонных особенностях функционирования крепостей мы будем иметь в виду не климат Индостана, связанный с муссонными циклами — влажным летом и сухой зимой. Мы будем исходить из условий резко континентального климата, климата умеренных широт евразийского материка, где выделяются холодная снежная зима, сухое и достаточно жаркое лето.

Осенью пастухи с семьями и скотом возвращались в крепость. И здесь их ждали серьезные ремонтные работы. Грунтовые фортификационные сооружения и дома, построенные из сырцовых блоков с использованием дерева и, реже, камня, требовали полного подновления. Осенью возрастала и военная опасность. Скот, согнанный с различных летних пастбищ на зимовку в район крепости, становился уязвимым и желаемым объектом добычи для враждебного соседа. Осень — удобное время для захвата земледельческого урожая, но главное, для создания запаса мороженого мяса на долгую зиму.

Индра сгоняет врагов (даса) в крепость как раз по этой причине! Организовав осаду и заставив защитников крепости спрятаться за ее стенами, нападающие угоняли скот — главную добычу.

Так же буквально и совсем не метафорически надо понимать: «Он сгоняет в одно место имущество Пани, чтобы (его) разграбить, почитающему (его) он выделяет замечательное добро. Целое племя не может долго высидеть даже в крепости, если оно раздразило его силу» (V, 34, 7).

Такая тактика ограбления, присвоения скота говорит в пользу того, что Индра имеет дело с крепостями аркаимской планировки. В традиционных скотоводческих обществах загоны для домашних животных создавались в центральной части поселка. Крепостные стены обеспечивали не только защиту людей, сколько защиту скота — главного богатства общины.

В аркаимских крепостях, напротив, скот содержался в третьем кольце, в пределах третьей обваловки, то есть был наименее защищен в случае нападения. Мощные укрепления обводной стены и цитадели предполагали защиту людей, но, главное, защиту богов. Наиболее труднодоступной при взятии крепостей была центральная площадь — «присутственное место» богов и место для отправления ритуалов.

В отношении аркаимского укрепленного центра «загнать врагов в крепость» означает отсечь людей от стада животных, то есть захватить скот. В противном случае эта фраза, неоднократно фигурирующая в «Ригведе», становится полной бессмыслицей.

При пастушеском способе ведения хозяйства весь скот в осенне-зимний период, а часто и весной, до спада весенних паводков, содержался в районе укрепленного центра. Это приводило к быстрой деградации территорий, примыкающих к крепости. Разрушение земельных угодий и, вероятно, санитарные потребности людей приводили к тому, что через какое-то количество лет население должно было покидать старое место, искать подходящий участок для строительства новой крепости и освоения новых площадок в рамках того же «земельного округа».

Когда возникала необходимость покидать и это место, люди возвращались к руинам старой крепости и возводили ее заново. Таким образом, один и тот же коллектив или потомки коллектива имели не одну, а, как минимум, две «родовые» территории²¹.

Уход из укрепленных центров и опять возвращение в них, разрушение старых построек, следы пожаров, периоды запустений и снова воссоздание старых фортификационных сооружений и всего комплекса жилых построек и коммуникаций — все эти сложные напластования культурных слоев блестяще фиксирует археология «Страны Городов»²².

Не исключено, что именно в этом контексте может звучать понятие «старая крепость» или еще один эпитет крепости, который не поддается четкому филологическому истолкованию — *carisnu* — «подвижный», «бродячий». «Движущуюся крепость Шушны ты (Индра) разбил смертельным оружием» (VIII, 1, 28). В плане перемещения населения из одной крепости в другую интересно отметить

слово «*arma*» и его производное «*armaka*». Его трактуют как развалины городов Индской цивилизации (Т. Барроу) или кучи мусора и отходов на покинутых арийских стоянках (В. Рая).

Многочисленные заселения одной и той же крепости, строительство новых оборонительных стен и ремонты старых отмечены на всех памятниках «Страны городов», где производились раскопки. Это обстоятельство хорошо читается и на аэрофотоснимках укрепленных центров. Можно утверждать, что многократное заселение крепостей — это не случайное явление, связанное с историческими судьбами одного-двух памятников, а глубокая традиция, продиктованная практической необходимостью и освещенная мифом и ритуалом.

Опираясь на очевидную социальную, хозяйственную и религиозную значимость многократных переселений человеческих коллективов в условиях «Страны городов», мы вправе предложить определять термин «*arma*»/«*armaka*» как развалины «старых» арийских крепостей. Это не просто брошенные остатки архитектурных конструкций или некий отчужденный мусор, утративший смысл и форму. Для ария той эпохи развалины («*arma*») — это то, что было крепостью, и то, что крепостью будет, но это место всегда было, есть и будет местом отдохновения богов, их присутственным местом среди людей*.

Наблюдения над характером культурных слоев показывают, что исходу населения из крепостей предшествовал ряд целенаправленных действий: собирались нужные вещи, засыпались или подсыпались колодцы и хозяйственные ямы, укреплялись стенки рвов. Не исключено, что частично убирался даже бытовой мусор. Затем поселение поджигалось изнутри в нескольких местах одновременно. Создается впечатление, что для создания тяги открывались все входные, световые и прочие проемы.

Мощные прокалы, сформировавшиеся от высокой температуры, возникают в местах концентрации деревянных конструкций и активных воздушных потоков. Они отпечатывают места многочисленных переходов и выходов, лестничных клетей, помещений внутри оборонительных стен. Благодаря огню зафиксированы многочисленные строительные и планировочные детали на поселениях Аландское, Аркаим, Берсуат, Куйсак.

Однако настоящая детективная археология начинается тогда, когда в полевых дневниках день за днем появляются записи о расчистках нижних горизонтов культурных слоев и полов жилищ. Речь идет не о пожарах и разрушениях, а, напротив, о том, как новые пришельцы отстраивают крепость, которая в руинах простояла много десятилетий**.

Пришедшее (вернувшееся) население прекрасно осведомлено не только об общих принципах строительства «старой» крепости, но и о деталях планировки. При расчистке завалов новые поселенцы обязательно доходят до полов предыдущих жилищ. Восстанавливаются не только полы, но и все конструкции жилищ: колодцы, хозяйственные ямы, печи, вытяжные канавки и т. д.

Важно отметить, что не новые строятся, а восстанавливаются старые. Хотя само слово «восстанавливаются» при грунтовой архитектуре звучит условно. Речь идет о том, что печи или хозяйственные ямы сооружаются на том же самом месте, без каких-либо перемещений. Стены жилищ упорно (иногда два-три-четыре раза!) восстанавливаются на старых «фундаментах». Кажется, что каждая столбовая ямка, оставшаяся от давно сгнившего столба, выкапывается заново для установки новой столбовой опоры!

На поселении Аландское можно насчитать только для аркаимско-синташтинского времени три-четыре пола, настойчиво расчищавшихся каждый раз.

И здесь мы опять возвращаемся к мифу об Индре. Разбив «силы сопротивления», Индра совершает созидательный акт — он освобождает воды и солнце и завоевывает блага для всего мира. Это центральный мифологический подвиг, который никогда не устают воспевать ригведийские поэты. «Что нас поражает, однако, это тот факт, что они упоминают его не только как мифологический акт изначальных времен, а как нечто такое, что должно повторяться снова и снова»²³. Далее Кёйпер объясняет,

* Следы военных действий на археологически исследованных участках укрепленных центров «Страны городов» пока не зафиксированы.

** В реальной жизни «покинутые» аркаимские крепости никогда не покидались. Многократное кратковременное присутствие людей на слегка выровненных культурных остатках прошлых лет фиксируется на всех укрепленных центрах. Вероятно, это следы сезонных остановок пастухов, которые использовали старые полуразрушенные стены «родовых» крепостей для защиты от жары и ветра.

что понять характер повторов деяний Индры можно только через гипотезу, «что “Ригведа” по сути своей является руководством по обрядам праздника Нового года».

Однако мифологический акт творения распространяется не только на ежегодные кризисные моменты зимнего солнцестояния, он охватывает все большие и малые события, происходящие в окружающем мире.

Современный человек может успокоиться на мысли, что «Высший Бог сыграл свою роль, завершив дело творения» (Мирча Элиаде). Для древнего человека, «нерасчлененное» сознание которого изнутри охватывало целокупность мироздания, соучастие богов и людей в актах творения требовало каждодневных усилий. Акт творения — он не только в расцвете и умирании природы, он в рождении ребенка, в его воспитании, в «делании» его человеком. Погребальный обряд — это тоже акт творения. Он должен быть выстроен таким образом, чтобы умершие, уходя из жизни, могли когда-то благополучно вернуться в лоно земного бытия.

Каждый день — это акт творения от одного восхода солнца до другого. Творение, творение, творение... Все заново, заново и заново! Соучастие людей в актах творения через ритуал и традицию — неизбежность человеческого бытия. Иначе — хаос. Иначе человеческая жизнь и все космическое мироздание утрачивают ориентиры.

Не исключено, что в археологии «Страны городов» отражена реализация мифа о творении. Здесь не просто возврат к старому поселению, а повторение акта его творения, со-творение того же очага, со-творение той же опоры, той же тайны входного лабиринта, того же жертвенного огня, в конечном счете, крепости как прообраза Вселенной.

Только через основную идею мифа об Индре мы можем понять настойчивость в гармонизации аркаимского пространства и то упорное повторение всех архитектурных деталей, которые мы фиксируем в полевых археологических документах и которые далеко не всегда понятны разумению современного человека²⁴.

«Овалы», «круги», «прямоугольники». Чьи они?

Мы уже не раз отмечали, что крепости «*pûr*» в «Ригведе» разрушает бог грозы и войны Индра. Крепости принадлежат врагам ариев — даса и дасью. Интересно, что арийские крепости вообще не упоминаются. Но по текстам очевидно, что крепости были не только вражескими; есть прекрасно ухоженные крепости, где в тепле и уюте живут арийские боги, а следовательно, и сами арии, от имени которых слагают свои гимны риши.

Итак, на некоем узком ограниченном пространстве существуют крепости, принадлежащие трем различным группам населения. Одна из них известна — арии, их опекает сам бог Индра. Кто же стоит за даса и дасью? Это могут быть некие демонические мифические персонажи, но, возможно, и реальные противники ариев.

Значительная часть исследователей, которая пытается увидеть в «Ригведе» отражение реальных событий, традиционно рассматривает даса/дасью как автохтонное население Индии неиндоевропейского происхождения (дравидийского, австроазиатского?). С этими враждебными племенами и ведут арии упорную борьбу, пробираясь в глубь Индостана.

В 1983 году А. Парпола в работе «Приход ариев в Иран и в Индию и культурная идентичность дасов» предложил новую гипотезу — племена врагов Индры даса, дасью, пани являются первой волной арийских племен, вторгшихся в Индию около 2000 г. до н. э. Несколько позднее они были оттеснены новой волной завоевателей, которые и были создателями «Ригведы». Борьба между разными группами мигрантов и отражена в мифологическом цикле, посвященном Индре²⁵.

Мы принимаем точку зрения о том, что даса/дасью — это родственные ариям племена, разговаривающие с ними на одном и том же или близких языках. Однако полагаем, что это не группы разных миграционных индоевропейских волн, которые столкнулись на территории Северо-Западной Индии. Бурные события, связанные с крепостями, отраженные в ранних мандалах «Ригведы», происходили в Южном Зауралье в еще не расчлененной общеарийской среде на общей прародине индоираноариев.

Объединенные в различные коллективы однокультурные арийские племена переживали расцвет и хозяйственной, и духовной жизни. Где-то они дружили между собой, где-то враждовали... Они жили

на ограниченной территории и постоянно общались между собой. Имея один и тот же пантеон, они отдавали предпочтение разным богам и утверждали свои особенности в отправлении культов. И все они, отстаивая свою самобытность, сооружали мощные крепости.

Описанная ситуация соответствует позиции Рау, когда он говорит, что если Индра действительно разрушал земные, а не небесные крепости, то эти крепости принадлежали людям, которые по своей материальной культуре стояли вровень с ведийскими индийцами²⁶.

Конфликт между крепостями, который мы наблюдаем в «Стране городов», по своей сути не противоречит трактовке даса/дасью Кёйпера. По его мнению, этнического барьера между ариями и «неарийскими племенами», по «Ригведе», не было. Барьер был религиозным.

Но вернемся непосредственно к «*pûr*» — крепостям. Четыре раза в «Ригведе» зафиксирован эпитет «*pûr – dāsi*», то есть «принадлежащая дасам». Такие крепости неизменно упоминаются в важнейших подвигах Индры, и, вероятно, их уничтожение отражает какие-то серьезные социально-политические события того времени.

Несмотря на общие враждебные позиции к даса и дасью, отношение к ним ариев совсем не одинаково. С *dāsa* возможны контакты, они, вероятно, могут входить на каких-то условиях в состав религиозных общин ариев. Сообщается, что арийский жрец получил от дасы богатый дар (VIII, 46,32). Совсем другие отношения с дасью. Они непримиримы: дасью надо только убивать*.

Мы уже упоминали о том, что в «Стране городов» укрепленные центры имеют в своей основе три планировочных схемы: овал («яйцо»), круг и прямоугольник. Аэрофотоснимки дают уникальные сведения — круги накладываются на овалы, прямоугольники поглощают овалы и круги. Вполне вероятно, что различия в планировочных решениях отражают различия религиозные. Наложение планов друг на друга или исправление конфигурации оборонительных стен поселения — это не просто перестройки или следование новой «моды», это означает захват крепости какими-то другими людьми, которые, перекраивая планировку поселка, утверждали новые религиозные принципы.

Археологические обследования и аэрофотосъемка «Страны городов» отражают различные ситуации, связанные с ремонтами или перестройками фортификационных сооружений. Укрепленные центры Аландское (овал), Синташта (круг), Берсуат (овал) перестраивались после пожаров и каких-то периодов запустения жилых площадок, но при этом строители старались тщательно вписать новые сооружения в старую планировочную сетку (рис. 4). Однако иногда фиксируется и другая картина. На место оставленного и полуразрушенного раннего поселка приходил новый человеческий коллектив. Люди, используя старую жилую площадку, строили новый укрепленный центр на другой основе, по другим правилам. При этом строители не учитывали планировочных решений предшественников и только в редких случаях использовали отдельные участки старых оборонительных стен, вписывая их в новую фортификационную систему. Интересно, что вновь пришедшему населению, кажется, удобнее было бы построить новый укрепленный центр на новом месте, пусть даже рядом с прежним. Однако этого не происходило. Носители новых геометрических символов своими строениями решительно уничтожали старые конструкции, резко перечеркивали их, создавая свой оригинальный ландшафт укрепленного поселка²⁷.

Если ситуацию, сложившуюся в Южном Зауралье, рассматривать обобщенно, то в качестве основного конфликта следует рассматривать вражду между «прямоугольниками» и «кругами». О последнем косвенно свидетельствуют археологические факты — овальные и круглые крепости могут сосуществовать. «Круги», перекрывая «овалы», часто используют или приспособливают планировку последних для создания своей фортификационной системы. Даже беглый взгляд на планировочные схемы овальных и круглых поселений показывает их более значительную близость, по сравнению с прямоугольными укрепленными центрами. Овалы и круги объединяет кольцевая планировка жилых сооружений, наличие цитадели, свободной площади в центре поселка, отсутствие за пределами оборонительных стен неукрепленного поселка-посады и т. д.

Планировка прямоугольников принципиально другая. Здесь нет укрепленного центра-цитадели, как таковой нет и площади. Линейное расположение домов образует улицы. Если в овалах и кругах внутри поселка создана коллективная защита по секторам, то в «квадратах» выражена тенденция к индивидуальной защите каждого дома.

* В иранских языках слову «дасью» соответствует слово «дахью» (*dahyu*), что означает «земля, страна». Это еще раз показывает, что в «Ригведе» отражен конфликт между двумя основными ветвями индоиранских народов.

«Прямоугольники», по отношению к «овалам» и «кругам», демонстрируют активную враждебность. Разрушенные крепости округлой планировки лежат в основании культурных слоев квадратных поселений Родники, Степное, Устье, возможно, Камысты и Чекотай.

Отыскивая в эмоциональных и специфических по содержанию текстах «Ригведы» крупницы исторических фактов, мы далеки от упрощения. Даже конкретная археологическая картина «Страны городов» на той начальной стадии изученности, которую мы имеем на сегодня, представляется необычайно сложной. А что же было в исторической реальности? Насколько многозначными были те религиозные представления и социальные структуры, которые определяли различия в планировочных решениях?

Аэрофотоснимки и небольшой объем археологических раскопок демонстрируют ограниченные возможности для целей нашего исследования. Так, по аэрофотоснимкам не всегда читаются перестройки оборонительных систем, иногда не удается установить последовательность смены геометрических символов.

В некоторых случаях изменение представлений о геометризме жилой и мифологической среды могло происходить во времени внутри одного и того же давно сложившегося коллектива. Трансформация взглядов тут же отражалась на архитектуре. Интересно, что северо-западная стена Аркаима имеет линейное очертание. Не исключено, что к первичному кругу был пристроен отрезок прямоугольной стены на поселении Камысты. Сочетание отрезков прямых линий оборонительных стен поселения Журумбай дает очертания прямоугольника, как бы примиряя две полярные планировки — круг и квадрат²⁸.

Важность планировочного решения можно еще раз подчеркнуть тем, что точность исполнения и вообще сама технология строительства были бы невозможны при отсутствии четкого и предварительно заготовленного плана²⁹. Интересно, что такие планы отражены в изображениях на керамике в контексте солярных символов³⁰.

Для уточнения нашего понимания исходных данных в осмыслении планов памятников протогородской цивилизации Южного Зауралья важно сделать одно замечание. Ни одно поселение по своей планировке не повторяет друг друга. Каждое имеет свои особенности, хотя при этом в его основу закладывался тот или иной четкий геометрический символ. Это, безусловно, преднамеренная несхожесть. Она означает не исторически сложившиеся различия, а *различие, заложенное изначально*.

Принимая тезис, что основные события, описанные в «Ригведе» и касающиеся крепостей (*púr*), происходили в Южном Зауралье, желательна ответить на вопрос, какие крепости принадлежали ариям, а какие даса/дасью? Или, по-другому, Какие крепости следует связывать с протоираноязичными, а какие — с протоиндоариями? Однако ответ на этот вопрос на сегодняшнем уровне исследования не будет однозначен.

Еще раз остановимся на том, что самые ранние крепости, по нашим представлениям, на сегодняшний день — это «овалы» («овоиды»), затем появляются «круги» и «прямоугольники (окружность в данном случае выступает в качестве более древней формы, по сравнению с прямоугольником)³¹. При этом очевидно, что все три типа поселений на определенном этапе развития культуры сосуществуют. Археологические данные свидетельствуют — керамика «классического» этапа синташтинско-аркаимской культуры залегает на всех (или почти на всех) укрепленных поселениях.

Вероятно, изложенное выше сложное взаимодействие геометрической символики в архитектуре укрепленных центров можно принять за отражение неоднозначных процессов, которые происходили в степном Зауралье в эпоху средней бронзы. Эти процессы свидетельствуют о борьбе в среде некоего нерасчлененного единства, но *расчленяющегося единства*. Здесь одновременно действуют как интегральные, объединяющие тенденции, так и противоположные силы разделения.

Материалы крепостей Зауралья демонстрируют *процесс противопоставления*, а не факт полного разрушения единства. Поэтому сегодня было бы неправильно напрямую связывать конкретные укрепленные центры с той или иной группой ариев. Это дело дальнейших исследований.

На настоящем этапе важно отметить, что на всех достаточно изученных объектах встречено сочетание круга и прямоугольника при ведущей роли одной из форм. Четкое противопоставление и одновременно — демонстрация единства геометрических символов характерны не только для поселенческой, но и для погребальной архитектуры. Сочетание круга и квадрата обусловлено космологическим уподоблением гробницы «обитаемому миру», а обитаемого смертного мира — гробнице.

Второй важный фактор наблюдения над символикой «Страны городов» — «овал» (окружность) является единой древней формой, на которой базируется возникновение и «кругов», и «прямоугольников». Новый подход к авестийской *Vare* не как к квадрату, а как к кругу³² со всей наглядностью подтверждает, что в «Авесте» нашла отражение древнейшая форма общеарийских укреплений.

Семантика кругов и квадратов не всегда была каноничной, она усложнялась и заново переосмысливалась на новых этапах исторического развития и порой в одних и тех же религиозных системах. Однако она всегда сохраняла исходную основу, которая проносилась сквозь тысячелетия.

Учитывая последнее замечание, все же отметим, что квадраты и прямоугольники прочно утвердились в иранском архитектурном микрокосме уже с начала I тыс. до н. э., а затем были унаследованы ранним и развитым средневековьем³³.

Общее представление о мироздании как квадрате распространилось и на конкретную географию. Геродот, описывая территорию ираноязычных кочевников, указывает, что Скифия — страна четырехугольная³⁴. Древнейшая иранская карта мира, обнаруженная в Тибете, имеет прямоугольную форму и ориентирована на восток³⁵. Арабские географы унаследовали иранскую традицию и следовали ей на протяжении первого столетия существования ислама (VII в. н. э.). Они представляли Землю в виде квадрата, который по форме напоминал ковер.

В индоарийской версии Вселенная круглая. Боги Ашвины в «Ригведе» объезжают мироздание по круговому пути³⁶. Люди и боги идут по кругу, и путь этот бесконечен. «Общий путь у двух сестер, бесконечный. По нему странствуют они одна за другой, наученные богом» (о свете Зари и тьме Ночи) (Ригведа, X, 117, 7). Древнейшие географические карты, выполненные в индийской традиции, имеют форму круга и ориентированы на север. Особенности этих карт в том, что, кроме географических сведений, они несут яркую космогоническую нагрузку.

Вероятно, найти ответ на вопрос: крепости, чьи вы? — все же реально. Но впереди систематизация археологических фактов и их внимательное прочтение через призму письменных текстов*.

Важно, что на материалах «Страны городов» мы фиксируем не привнесенные извне различные архитектурные традиции³⁷, а эволюцию фортификационных сооружений на каком-то отрезке времени, на одной территории и в близкой культурной среде.

Вид Аркаима с воздуха, вероятно, не случайно завораживает. Гармония его архитектуры столь очевидна, что, кажется, она создана не для практических нужд, а только для целей созерцания.

Индра привнес в мир дуальность — он разделил Небо и Землю. «Разбив силы сопротивления Индра своим величием разжал небо и землю» (Ригведа, VII, 23,3). Появление в степях Зауралья «кругов» и «квадратов» из «овалов» — не это ли рождение земли и неба из яйца первоначальных космических вод?

Свой–Чужой «Ригведы», «Авесты» и синташтинско-аркаимских крепостей

При наличии некоторых стандартов в планировке крепости не повторяют полностью друг друга. Особенно хорошо это видно при дешифровке аэрофотоснимков³⁸. Все памятники четко читаются с воздуха как уникальные объекты. Планировочная индивидуальность выступает как некий геральдический знак укрепленного центра, а в конечном смысле как «собственный» центр мироздания.

Архитектура укрепленных центров замкнута «на себя». Жилая площадка крепости отделена от окружающей природной среды мощной фортификацией и «закрытыми», а иногда и тайными входами. Внутренне пространство крепости организовано таким образом, что все сообщество поселка — от коллектива родового клана и патриархальной семьи до отдельно взятого человека — теснейшим образом взаимосвязано и взаимозависимо.

Аркаимские дома построены так, что ремонт одного дома требовал усилий не только его хозяев, но и соседей, проживавших в домах, расположенных рядом. То же самое можно сказать и о радиальных стенах, разделяющих сектора внешнего кольца. Их оборона и ремонт были невозможны без совместных действий обоих коллективов, проживавших по разные стороны стены.

* Например: учет мужского и женского начал в обряде и архитектуре крепостей, классификация очагов по форме, анализ строительных приемов по отношению к дневной поверхности и т. д.

В процессе раскопок внешнего круга фортификационных сооружений нами было установлено, что каждый участок оборонительной стены, примыкающий к тому или иному дому, строился жителями этого дома. Не исключено, что в задачи большой патриархальной семьи входили возведение внешнего и внутреннего рвов, ремонт участков деревянной мостовой и ливневой канализации, примыкающих к дому, ремонт внутренних помещений и т. д. Все это требовало отработки общих навыков в строительном деле, каких-то мероприятий по закреплению знаний, постоянных контактов людей, согласований о времени ремонтных работ и времени отправления религиозных обрядов³⁹. ... Работы по ремонту кровель, которые надо было при существующих материалах (жерди, камыш, глина) проводить после каждого дождя, тоже требовали совместных усилий хотя бы потому, что вода с крыш сбрасывалась в общие желоба, принадлежащие, как минимум, трем соседним домам⁴⁰.

За каждодневной жизнью людей в аркаимских крепостях стоит оригинальный опыт человеческого общежития. Впервые за всю историю степей-лесостепей Евразии со времени их заселения на крохотном клочке земли добровольно собрались для совместного проживания многие сотни и тысячи людей. Причем этот опыт получил признание в десятках коллективов и был осуществлен многократно в пределах целого региона срединной Евразии, который мы сегодня называем «Страной городов».

Внутреннее пространство крепости сконструировано с глубочайшим знанием человеческой психологии. Оно не только увязывает тончайшими нитями труда, молитв и ответственности в один узел весь человеческий коллектив протогорода, но возвышает его до полного осознания «своего» и отвержения «чужого». Осознание это должно происходить на уровне сообщества и на уровне каждой отдельной личности.

В аркаимской крепости мог чувствовать себя комфортно только тот, кто был рожден в ней в полном или переносном смысле слова. В крепости масса тайных проходов, каких-то ниш, тупиков. Есть даже ловчие ямы. Ориентироваться во всем этом нагромождении «излишнего» конструктивизма может только «свой», только житель «своего» поселка. Достаточно посмотреть на предельно усложненные входы в крепость, на изощренность изгибов оборонительных стен, создающих коридорообразные проходы-лабиринты, то выброшенные наружу за пределы поселка, то, напротив, обращенные внутрь жилой площадки (рис. 1; 3).

Особой сложностью отличаются проходные щели радиальных стен. Они перегораживались выступами под прямым или косым углами, имели параллельно проложенные, вероятно, тупиковые полости. Для «своего» это просто проход от «пригородной» территории и оборонительной стены на кольцевую улицу поселка. Для «чужого» это опасное путешествие; узкую щель необходимо было преодолевать в сплошной темноте, здесь поджидали неожиданные препятствия, за каждой нишей и каждым выступом мог скрываться защитник крепости.

Само название «арья», «арий» часто переводят как «свой», объясняя при этом, что слово родилось во время миграции арийских племен, когда арии попадали на территории, занятые чужими народами, говорящими на других, неарийских языках. Понятие «свой» — арий — возникло, якобы, как противопоставление «иным» — не ариям.

Очевидно, это не так. Из текстов «Ригведы» и «Авесты» следует, что слово «арья» возникло на первичной арийской прародине еще до массовых миграций. И понятие «свой» сложилось при противопоставлении с другими «своими», но «чужими», то есть жившими в разных крепостях. Единое по культуре и языку население, обитавшее в укрепленных центрах «Страны городов», конкурировало друг с другом, враждовало между собой, спорило о правомерности отправления тех или иных ритуалов, о своей близости к тем или иным богам и одновременно, все вместе они создавали новый, еще никому не ведомый мир протоиндоевропейской культуры.

Противопоставление аркаимских крепостей друг другу очевидно. Оно зафиксировано в выборе различных геометрических символов при создании укреплений и разрушительном наложении планировочных схем друг на друга⁴¹. Оно хорошо прослеживается при раскопках, когда фортификационные сооружения многократно подновляются и перестраиваются, когда возводятся новые стены и копаются новые рвы. Глубина обороны и сложность фортификации превосходят все мыслимые представления современного человека о практической необходимости подобных конструкций в том далеком и таком «технически несовершенном» бронзовом веке.

Еще раз подчеркну, что в мощи аркаимских укрепленных центров зафиксировано стремление к созданию суперсовершенной системы обороны, к некоему гипертрофированному величию крепостных сооружений. Можно со всей убежденностью еще раз констатировать, что мощности аркаимских крепостей не соответствовали нуждам реальной обороны, но, вероятно, отвечали каким-то духовным и культовым потребностям тогдашнего общества. За каждым укрепленным центром стоит демонстрация величия духа его обитателей и утверждение величия его богов.

Таким образом, само название «арья» — «свой» могло сложиться во многих поселках одновременно как самосознание «своей» крепости, «своего» коллектива как единственно возможного единства, как «своего» центра мироздания.

Утверждение антитезы свой–чужой было, вероятно, психологически необходимо для цементации единения той массы людей, которая оказалась сконцентрированной на пяталке предельно освоенного пространства, окруженного крепостными стенами среди бескрайней и почти не тронутой человеком степи.

Заключение

Археологические данные по укрепленным центрам «Страны городов» и их возможная интерпретация соответствуют фактам и смыслам крепостей-*púr* «Ригведы». Очевидно, это одна из важнейших позитивных посылок, которая позволит активизировать разработку темы ариев на Южном Урале.

Археологически «Страну городов» мы, вероятно, застаем на вершине духовного и культурного взлета индоиранского мира в его единении и, одновременно, разделении и крушении единства. Дальнейшее детальное изучение всего материального комплекса синташтинско-аркаимского времени, необычайно разнообразного и динамичного по своему развитию, позволит выделить хронологические этапы и увязать специфику укрепленных центров с другими элементами культуры. Так же, как в подвигах Индры важным ключевым звеном является крепость — *púr*, так и укрепленный центр является важнейшим и первым по значимости культуuroобразующим элементом синташтинско-аркаимской культуры.

Очевидно, что отправная точка культуuroгенеза, охватившего значительную часть евразийских степей–лесостепей, была связана с территорией распространения укрепленных поселений — «Страной городов». Сам очаг культуuroгенеза должен именоваться *южноуральским*, а не урало-поволжским, как предлагают некоторые исследователи.

Источники

Ригведа. Мандалы I–IV. Перевод Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989.

Ригведа. Мандалы V–VIII. Перевод Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1999.

Авеста. Избранные гимны из Видевдата. Перевод с авестийского Ивана Стеблин-Каменского. – М.: Дружба народов, 1993.

¹ Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. – СА. 1977. № 4; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. – Челябинск, 1992.

² Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. – М., 1999.

³ Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. – М., 1989. – С. 437.

⁴ Там же.

⁵ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 197.

⁶ Там же. – С. 198.

⁷ Kirillov A. K., Zdanovich D. G. Archaeoastronomical research in steppic Trans-Urals: fortified settlements of the "Country of Towns" and their surroundings // Astronomy of ancient societies. – Moscow, 2002. – С. 151–161; рис. 2.

⁸ Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. – М., 1985; Она же. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение

древнего населения Евразии. – М. – С. 166–256; Ковалева В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. – Екатеринбург, 1997; Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 2002; Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: Мат-лы 3-й Междунар. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Ч. V. Кн. 1. – Челябинск, 1995. – С. 100–106; Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Поселение Берсуат // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. – Оренбург, 2001. – С. 74.

⁹ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 199.

¹⁰ Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта... – С. 23–43; рис. 13.

¹¹ Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — «Страна городов». Пространство и образы. – Челябинск, 2007.

¹² Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2004. – С. 56–62; Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — «Страна городов»... – С. 54–60.

¹³ Авеста. Избранные гимны из Видевдата. Пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. – М., 1993. – С. 178–179.

¹⁴ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 208.

¹⁵ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996. – С. 265.

¹⁶ Зданович Г. Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск, 1995. – С. 37–38; Григорьев С. А., Русанов И. В. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Там же. – С. 147–158.

¹⁷ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 217.

¹⁸ Зданович Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья. – РА. 1997. № 2. – С. 59.

¹⁹ Благодарю Ю. А. Лаврушину и Е. А. Спиридонову за аналитическую работу по «аркаимским огородам» (см. Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Новые материалы о геологии и палеоэкологии аркаимовских сообществ. – Отчет 1996 г. – Центр Аркаим. – Челябинск).

²⁰ Зданович Д. Г. Княженские курганы: точка на археологической карте // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича. Ч. 1. – Челябинск, 2010. – С. 169.

²¹ Опять обратим внимание, что граммеы множительного числа для существительного *pūr* в «Ригведе» значительно преобладают (Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 198).

²² Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Укрепленное поселение Аландское... – С. 56–62.

²³ Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986. – С. 122.

²⁴ В качестве возможного примера. Когда археолог вскрывает основание очага и видит в углублении материкового пола выкладку из сучьев или бересты, то этот факт можно определить только как гидроизоляцию, если бы не прослойка темного грунта, специально уложенного на материк. И здесь, возможно, полезно вспомнить один из ритуалов космогонии: «если кто захочет соорудить один жертвенный костер, должен подложить под него немного земли» (Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. – С. 119). Это та земля, которую достал со дна первоначальных вод некий космический кабан. Интересно, что в ряде текстов «сырые ложа» Бога Огня противопоставлены тем, которые имеют «гнездо».

²⁵ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 223; Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. – М., 1987. – С. 69–70.

²⁶ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи... – С. 223.

²⁷ Зданович Г. Б., Батанина И. М. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана, 2003. – С. 73.

²⁸ Zdanovich G. B. and Batanina I. M. Planography of the Fortified Centers of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals According to Aerial Photography Data // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Vol. I, II. – Washington, 2002. – P. 121–138.

²⁹ При раскопках поселения Саргары — заключительного этапа поздней бронзы Северного Казахстана — были обнаружены канавки, заполненные золой. Это был наземный «чертеж» жилища, его модуль, который использовали при разметке и строительстве самого поселка (Зданович С. Я. Поселения и жилища саргатской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. – С. 63–64).

³⁰ Петров Ф. Н. Геометрические орнаменты и символы «Страны городов» как универсальный язык описания мира // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск, 2004. – С. 109.

³¹ Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — «Страна городов»... – С. 88–92; 160–162, 167–168, 182–183.

³² Стеблин-Каменский И. М. Арийско-уральские связи мифа об Ииме // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: Мат-лы 3-й Междунар. конф. «Россия и Вос-

ток: проблемы взаимодействия. Ч. V. Кн. 1. – Челябинск, 1995. – С. 166–167; *Pyankov I. V.* Arkaim and the Indo-Iranian Var // *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC. Regional Specifics in Light of Clobal Models. Vol. I, II.* – Washington, 2002. – P. 42–52.

³³ *Лелеков Л. А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. // *История и культура народов Средней Азии.* – М., 1976. – С. 7–18; *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса // *Этнография и археология Средней Азии.* – М., 1979. – С. 65–70.

³⁴ *Геродот.* История в девяти книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л., 1972. – IV, 101.

³⁵ *Кузнецов Б. И.* Древний Иран и Тибет. История религии БОН. – СПб., 1998. – С. 29–30.

³⁶ *Елизаренкова Т. Я.* Слова и вещи... – С. 74.

³⁷ *Григорьев С. А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск, 1999. – С. 29–35.

³⁸ *Зданович Г. Б., Батанина И. М.* Аркаим — «Страна городов»...

³⁹ Я имею в виду так называемые «строительные жертвы» (*Формозов А. А.* Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // *СА. 1984. № 4.* – С. 238–241).

⁴⁰ Как уже отмечалось, в текстах «Ригведы», несущих религиозно-философское содержание и совсем далеких от хозяйственных дел, переводчики наших дней улавливают в словах древнего певца совсем бытовую и, вероятно, очень важную сторону бытия – крепости «пур» нуждались в ремонте после каждого дождя (*Елизаренкова Т. Я.* Слова и вещи... – С. 197).

⁴¹ *Зданович Г. Б., Батанина И. М.* «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н. э. на Южном Урале // *Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Труды музея-заповедника «Аркаим».* – Челябинск, 1995. – С. 60–61; *Они же.* Укрепленные центры... – С. 82, 85.